

мена института кондукторов и демобилизация старослужащих способствовали развитию подобных убеждений.

Тесно связано с этим и уничтожение старых атрибутов службы, имевшее политическую окраску. Отсутствие четкой координации, единого плана, запаздывание в принятии окончательных решений привели к невозможности со стороны командования контролировать ход процесса. Изменение офицерской формы в соответствии с требованиями нижних чинов стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. В свою очередь, это способствовало дальнейшему снижению авторитета офицеров, которые не смогли отстоять свои прежние знаки отличия.

Изменился, по сравнению с дореволюционным временем, и досуг экипажей. Активная политическая жизнь привела к прекращению деятельности судовых кружков. В основном культурный досуг организовывался секциями Матросского клуба. Однако большая часть свободного времени проходила у нижних чинов на митингах, в обсуждении резолюций и постановлений. При таких условиях и возросшей доступности увольнений в Гельсингфорс корабельная служба становилась не более чем придатком к берегу. Это ещё усиливало нежелание заключать себя в рамки «фронтального» быта. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы.

Наметившееся противостояние двух концепций дисциплины имело двоякие последствия. С одной стороны, оно вынуждало часть офицеров просить своего перевода на другие должности, поближе к фронту. С другой стороны, стало наблюдаться снижение качества выполняемых работ и боевой подготовки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 477. Оп. 1. Д. 143.
2. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158.
3. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 230.
4. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1006.
5. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018.
6. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254.
7. РГАВМФ. Ф. 747. Оп. 1. Д. 37.
8. РГАВМФ. Ф. 751. Оп. 1. Д. 95.
9. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1.
10. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2.
11. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3.
12. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 10.
13. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11.
14. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 12.
15. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15.
16. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 16.
17. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 17.
18. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 141.

19. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148.
20. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151.
21. РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 200.
22. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 102.
23. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245.
24. РГАВМФ. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 1.
25. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 1.
26. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 12.
27. Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997.
28. Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987.
29. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.
30. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

РАЗДЕЛ 3 НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 37.01131-051

Ялозина Е.А.

МНОГОКАНАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ НЭПа КАК АНТИКРИЗИСНАЯ МЕРА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА*

Аннотация. Статья посвящена проблеме финансирования советской школы в 1920-е гг. Автор рассматривает механизм формирования системы местных бюджетов, их участие в материально-техническом обеспечении школы. Показаны структура и процесс привлечения внебюджетных средств, направленных на поддержку школы. Источниковой базой исследования являются архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: советская школа, финансирование школьной системы, местный бюджет, внебюджетное финансирование, средства населения.

E. Yalozina
MULTICHANNEL FINANCING OF THE SOVIET
SCHOOL IN TIMES OF THE NEW ECONOMIC POLICY

* © Е.А. Ялозина

(NEP) AS AN ANTI-RECESSIONARY MEASURE: HISTORICAL ASPECT OF A QUESTION

Abstract. Article is devoted to the problem of financing of the Soviet schools in 1920. The author considers the mechanism of forming the system of local budgets and their role in school material support. The structure and process of attraction of the off-budget assets directed on support of schools are shown. Base of research is provided by archival documents, which are introduced into the scientific use for the first time.

Key words: the Soviet school, financing of school system, the local budget, off-budget financing, population means.

Состояние системы образования в значительной мере определяется уровнем ее финансирования. Проблема финансирования всегда была актуальна для отечественной школьной системы. Особый исследовательский интерес в ее контексте представляют 1920-е гг., когда советская власть в сложных политических и социально-экономических условиях осуществляла поиски оптимальной модели финансирования народного образования.

Декларируя в своих первых документах основные принципы социально-экономической политики, большевики заявляли о создании всеобщей бесплатной государственной системы школьного образования. Однако последствия Гражданской войны, приоритетная необходимость восстановления народного хозяйства, внутренняя социально-политическая напряженность заставили власть приступить к НЭПу и обратиться к режиму строжайшей экономии во всех областях народного хозяйства. В интересах восстановления жизненно важных отраслей производства расходы на социально-культурные мероприятия, в том числе на народное образование, были значительно сокращены: к 1922 г. доля ассигнований государственного бюджета на народное просвещение уменьшилась в пять раз. В этих условиях Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) оказался не в состоянии обеспечить нормальное функционирование образовательной системы. Она была поставлена на грань выживания: началось резкое сокращение числа учебных заведений, многие школы считались действующими лишь формально, на практике они месяцами были закрыты из-за отсутствия топлива, средств, массового увольнения учителей, вынужденных искать возможность заработать и прокормиться. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский взволнованно говорил в то время, что дело народного образования «душит» материальная нужда, что школа умирает на глазах, а комиссариат бессилён спасти учителя от голодной смерти [1,

Л. 26-28; с. 237].

Предельно ограниченные возможности централизованного финансирования народного образования диктовали необходимость привлечения на его содержание средств местных бюджетов. Начало двухуровневого финансирования, из центрального и местного бюджетов, было положено на рубеже 1921-1922 гг. Согласно декретам СНК от 9-10 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» и «О местных бюджетах» на места передавалась часть расходов на содержание массовых социально-культурных учреждений, в том числе и учебных заведений, административно-хозяйственные расходы их органов управления. На государственном бюджете оставались расходы на заработную плату служащих аппарата управления и его основные операционные расходы. Начавшись в 1921 г., процесс выделения системы местных бюджетов, формирования их структуры завершился только в 1926 г. Практика школьного строительства в этот период показала, что в условиях реструктуризации финансирования из центрального бюджета, незавершенности процесса формирования местной бюджетно-финансовой системы, хронической нехватки средств центрального и местного бюджетов на поддержку учебных учреждений, – такая двухуровневая форма финансирования была не в состоянии предотвратить деструктивные процессы в системе школьного образования. В сложившейся ситуации власть обратилась к использованию многоканальной системы финансирования народного образования, основным компонентом которой, помимо средств центрального и местного бюджетов, являлись внебюджетные источники.

15 сентября 1921 г. СНК РСФСР было принято постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», которое по существу явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств для поддержания народного образования [2, с. 26]. Месяц спустя ЦК РКП(б) отправил на места циркулярное письмо «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просветительных учреждений», в котором поставил перед партийными организациями задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы [3, с. 23]. Таким образом, в конце 1921 г. вопрос внебюджетного финансирования народного образования приобретал нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня.

Вопросы организационно-финансового состояния системы местных бюджетов, внебюджет-

ного финансирования впервые стали предметом обсуждения на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 года. Было принято решение об укреплении материальной базы школ и расходовании 20% доходной части бюджета местных советов на нужды народного образования, рекомендовалось активно привлекать в качестве антикризисной меры внебюджетные источники финансирования – средства населения в различных его формах. Делегаты говорили, что поиски путей поддержки школы, которые позволили бы ей выжить в тяжелых экономических условиях, «сплошь и рядом принимали самые уродливые и ненормальные формы, это находило выражение в кустарно и неорганизованно проводимых самообложениях в сельской местности, передаче отделами народного образования учебных учреждений в частные руки, установлении платы за обучение, введении «поголовного» обложения родителей» [4, с. 11]. Было очевидно, что неудачный опыт местных властей по использованию средств населения в таких суррогатных формах требовал пересмотра и регламентации.

Как показала практика привлечения внебюджетных средств, крестьяне, понимая необходимость материальной поддержки школы, в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, например, сделать сруб, провести мелкий ремонт. Но сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьезные экономические трудности и были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. В мае 1922 г. руководство отделов народного образования признавало, что кампания самообложения провальная. В качестве причин провала указывались халатное отношение, самоустранение от кампании. Однако сложившееся положение было обусловлено не только организационными причинами, но и тем, что задачи по самообложению не соответствовали материальным возможностям крестьянства. В результате проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921/1922 учебном году, на практике не оправдало себя.

Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побудили власти в начале следующего учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – помощи на договорных началах. Согласно заключенным с крестьянством договорам, школы находились в ведении отделов народного образо-

вания, но содержались, преимущественно, за счет местного населения, которое имело право контролировать средства, ассигнованные на расходы школе. Процесс заключения договоров зимой-весной 1923 г. проходил трудно, но по сравнению с неэффективным принудительным самообложением населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20-25% [5, Л.13], что все же давало возможность поддерживать школу и учителя. При реализации договоров проявилась и обратная сторона этого процесса. Угрожая лишением материальной поддержки, крестьянское сообщество диктовало свои условия школе: учителя, работавшие на договорных началах, обязывались преподавать письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, а также закон божий. Отсутствие у местных властей достаточных рычагов контроля и противодействия этой тенденции (в конце 1922-начале 1923 гг. штаты окружных отделов народного образования были сокращены, а волостные отделы как структура полностью ликвидированы) ставило отделы народного образования перед выбором: отказаться от такой формы поддержки сельской школы или пожинать плоды договорной кампании «по-крестьянски». В условиях, когда школа рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X съездом РКП(б): «всё просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим» [6, с.82], власть не могла допустить, чтобы образовательный процесс в школе шел вразрез с государственной просветительской политикой и идеологией. Весной 1923 г. исполкомы приняли решение отказаться от практики договоров с населением и приступили к поэтапному сокращению и переводу этих учебных заведений на местный бюджет.

Для поддержки школы на местах широко использовались различного рода фонды, создававшиеся из денежных и натуральных поступлений. Власть высказалась за то, чтобы на средства фондов «насаждать школы, потому что в округах нет зданий» [7, Л.38], а также закупать учебники в школы. «Насаждать школы» на свои деньги крестьяне не стали – средства фондов на тот момент не могли бы осилить решение этой задачи, да и свежо было воспоминание о договорных школах. Поэтому основным видом деятельности фондов в поддержку сельской школы стало приобретение учебников. Однако не всегда и не везде эти фонды работали активно в данном направлении. Но тот факт, что в условиях явной недостаточности бюджетного финансирования обеспечение учебниками сельской школы в 1923/1924 учебном году осуществлялось на 15-40% [8, Л. 2-3.], а то и больше,

– можно рассматривать как заслугу, преимущественно, крестьянских фондов.

Наиболее стабильным источником внебюджетного финансирования школы в 1920-х гг. была ее собственная хозяйственная деятельность на пришкольном участке. Возможность наделения школ земельными участками определялась постановлением СНК РСФСР от 15 августа 1921 г. «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» [9, Ст.482]. Предполагалось, что полученные средства от реализованного со школьного участка урожая будут использованы на ремонт и содержание школы, на ее хозяйственные нужды. В свою очередь, Наркомпрос отмечал важность для школы такой статьи дохода, как урожай с земельных участков, и в своих циркулярах призывал местные власти шире использовать посевную кампанию для организации школьных участков, огородов, плантаций. Практика школьного строительства во второй половине 1920-х гг. подтверждала, что хозяйственная деятельность на пришкольном участке занимала весомое место в улучшении материально-технического состояния сельской школы, особенно при подготовке к началу учебного года, и являлась в этом смысле важным источником внебюджетного финансирования.

Другим источником внебюджетного финансирования образовательных учреждений и возможного смягчения их кризисного положения была помощь школам со стороны шефских организаций и предприятий. Кампания шефской помощи начала разворачиваться в начале 1922 года. В ходе этого мероприятия исполкомы, как правило, прикрепляли, «приписывали» школы к государственным, кооперативным, общественным организациям. Многие предприятия, проявляя инициативу, добровольно брали шефство над школами. В отчетах заведующих отделов народного образования отмечалась «энергичная, пылкая» [10, Л.20] работа шефов в этот период. Но в 1923 г. их энтузиазм заметно ослаб, шефская помощь как источник финансирования школы начала давать сбои. Тогда власти запустили механизм административно-партийного принуждения и контроля за выполнением шефских обязательств предприятиями. В таком виде эта форма поддержки школы существовала и во второй половине 1920-х годов.

Кризисное положение школы заставляло органы власти расширять базу ее финансирования за счет внебюджетных средств. Однако мероприятия такого рода эффективны, когда при их проведении берутся в расчет не только соотношения экономического характера, но учитываются социальные условия, уровень жизни населения, психология традиционного общества. К сожалению, власти игнорировали тот важный

факт, что залогом успешного проведения мобилизационных кампаний должно быть разумное сопряжение социальных ожиданий с экономическими возможностями населения. В дальнейшем становилось очевидным, что чрезвычайный режим использования подобных «ресурсов» не мог быть рассчитан на длительный период и при этом оставаться достаточно эффективным. Поэтому на определенном этапе, в середине 1923 г., наступил спад, психологическая апатия. Ударные кампании и акции по привлечению сил и средств населения в помощь школе, оказав существенную помощь в ее наиболее кризисный период в 1922-1923 гг., практически исчерпали себя, уступив место другим источникам внебюджетного финансирования школы.

Важная роль в материальной поддержке школы в 1920-е гг. принадлежала родительским комитетам. Их финансовая деятельность строилась в соответствии с «Положением о комитетах содействия благоустройству школ» (комсодах), которые, начиная с 1922/1923 учебного года, были созданы при школах. Главная задача комитетов заключалась в оказании помощи школьному совету в организации материально-хозяйственной стороны жизни школы, в проведении в жизнь директив отделов народного образования. Для изыскания средств на поддержание школы комсодам предоставлялись широкие возможности: организовывать взносы родителей, проводить сборы от платных вечеров, принимать добровольные пожертвования отдельных лиц и учреждений, привлекать для оказания помощи шефов. Собранные ими в 1923-1925 гг. суммы давали возможность не только произвести ремонт, доплаты учителям, заготовить топливо, оплатить хозяйственные расходы, но и содержать библиотеки, предметные кабинеты. Во второй половине 1920-х гг. самообложение родителей учащихся по-прежнему было главным источником средств комсодов. Собранные таким образом суммы составляли около 90% всех средств, затрачиваемых школами на хозяйственные нужды [11, Л.105-213]. Практика работы комсодов по самообложению родителей учеников показала очевидную экономическую целесообразность данной формы привлечения внебюджетных средств и эффективно использовалась в дальнейшем.

Не менее важным источником внебюджетного финансирования школы была введенная в декабре 1922 г. плата за обучение. Попытки ее введения на местах предпринимались с 1921 г., однако подобные инициативы в тот период рассматривались как преступление по должности и пресекались властями в соответствии с основным принципом государственной просветительской политики о бесплатном образовании. В условиях

углубляющегося экономического кризиса X Всероссийский съезд Советов вынужден был пойти на компромисс и разрешить в виде временной меры, рассчитанной на тяжелый переходный период, введение в городских школах платы за обучение. При этом основная тяжесть переносилась на плечи более обеспеченных слоев населения, давались твердые гарантии льготных условий платности, а также бесплатности для менее обеспеченных слоев трудящихся и инвалидов войны. Регламентацией этой процедуры, установлением форм платности, выработкой соответствующих инструкций о порядке взыскания сумм и размеров платы для различных категорий учащихся совместно занимались отделы народного образования, профсоюз и исполком. Согласно изданному в январе 1923 г. «Положению о плате за право учения», плата взималась по принципу классовой дифференциации плательщиков и в зависимости от заработка родителей учащихся. Определенным социальным категориям граждан предоставлялись льготы. Положение определяло, что плата за учебу в школах городов и поселений городского типа должна взиматься с граждан, живущих на средства, получаемые от торговых, промышленных и других приносящих доход предприятий, а также со служителей религиозных культов, граждан свободных профессий (адвокаты, художники, ремесленники). С рабочих и служащих, получавших зарплату свыше 12-го разряда, плата взималась в том случае, если она была не менее 20 рублей. Отчисления от их зарплаты составляли 1-5% за одного ребенка независимо от числа обучающихся детей в семье. От платы за обучение освобождались рабочие, получавшие зарплату ниже 13-го разряда, государственные пенсионеры, безработные, круглые сироты, инвалиды труда и войны. В список льготных категорий, освобожденных от платы за обучение, входили военные – рядовые, командиры, комиссары и армейские политработники, а также работники просвещения, состоявшие на службе в учреждениях Наркомпроса [12, Л. 4-5; Л. 2, 9].

Установленная положением плата за обучение должна была вводиться в школах областных центров с 1 января 1923 г., а в школах окружных центров – с февраля 1923 г. Одни школы, уже практиковавшие платность и прежде, с введением положения всего лишь легализовали и регламентировали свои действия, другие – начали постепенно вводить положение с момента опубликования, среди них к концу года оставались и такие, где плата за обучение все еще не была введена. Первые результаты показали, что собранные школами суммы были в несколько раз меньше ожидаемых. Вместе с тем из школ начался отток учащихся, не сумевших заплатить за обучение. По этой причине

к концу 1922/1923 учебного года количество учащихся в школах сократилось в среднем на 12%. Такие последствия, безусловно, вызывали обеспокоенность руководителей органов народного образования, декларировавших всеобщее, однако в условиях кризиса важным было, прежде всего, сохранить саму школу. Поэтому проблема самоотсева учащихся рассматривалась как временная. Насущной задачей в дальнейшем стало упорядочение и активизация сбора платы за обучение и, таким образом, пополнение внебюджетных доходов в поддержку школы. Распоряжением Наркомпроса в 1925 г. размеры платы за обучение были изменены. В незначительной мере это коснулось рабочих и служащих, заработок которых составлял 25-120 рублей. Но для другой категории населения, чьи доходы превышали указанные, плата за обучение их детей в школе была увеличена в 1,5-3 раза. Если, к примеру, кустари-одиночки в предыдущем учебном году платили 1-3 рубля, то новое распоряжение устанавливало эту плату в размере 4 рублей. Торговцы 2-го разряда, платившие ранее 3-6 рублей, в новом учебном году вносили за своих детей плату в размере 7-8 рублей. Для торговцев 3-го разряда эта сумма составляла 10 рублей, а для граждан «свободных профессий» и служителей культа – от 10 до 25 рублей [13, Л. 54; Л. 81].

Отмена платы за обучение, постепенное упразднение различных фондов по оказанию помощи школе, создававшихся за счет самообложения и добровольно-принудительных сборов, были осуществлены в начале 1930-х годов в связи с увеличением государственных ассигнований на народное образование. С 1933 г. при Наркомпросе РСФСР стал существовать центральный ссудный фонд из средств госбюджета на учебно-политехническое оборудование школ, а с 1934 г. начальная и средняя школы получили устойчивое государственное финансирование [14, Л. 105-107; Л. 282, 373; Л. 79]. В целом, роль указанных выше источников внебюджетного финансирования была весома и в поддержке материально-технической базы школы в годы кризиса, и в обеспечении ее дальнейшего функционирования. В связи с этим новая экономическая политика многоканального финансирования народного образования, введенная в сложных финансово-экономических условиях 1920-х гг. как наиболее оптимальная антикризисная мера, была востребована на протяжении десятилетия, хотя аккумулированные таким образом средства все же не обеспечивали устойчивости финансирования советской системы образования.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 195; Луначарский А.В. О народном образовании. М. 1958.
- 2 Народное просвещение. 1921. № 87/88.

- 3 Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
- 4 Народный комиссариат по просвещению к IX Всероссийскому съезду Советов. М.1922.
- 5 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.83; там же Д.96.
- 6 X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.1921.
- 7 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп.1. Д.160.
- 8 ГАРО.Ф. Р-1818. Оп.1. Д.87.
- 9 СУ. 1921. № 64.
- 10 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.98; там же. Д.85.
- 11 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.102.
- 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 193; ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.96.
- 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194; ГАРО. Ф. Р-64. Оп.1. Д.13; Ф. 2584. Оп.1. Д.19.
- 14 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д.7037; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26, Д.3; там же. Оп 34. Д. 854.

УДК 94(470.6)“1920”

Панкова-Козочкина Т.В.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ОТНОШЕНИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В 1920-Х ГГ. * (на материалах Юга России)

Аннотация. В статье представлена недостаточно изученная в российской историографии проблема отражения в социально-групповом сознании российского крестьянства образа местной власти в условиях относительного идеологического плюрализма и слабости кадрового обеспечения местных советов в 1920-х гг. На региональных архивных материалах Юга России раскрывается отношение крестьянства к потенциальным кандидатам в местные органы власти, когда предпочтение заведомо отдавалось зажиточным хозяевам, способным к реальному управлению сельскими делами лицам и настойчиво игнорировались социально-классовый, партийно-выдвиженческий и гендерно-пропорциональный подходы. Крестьяне отрицательно относились к проводившейся политике властей по большевизации местных советов. Такие категории сельского населения, как «бывшие», «кулаки», еще не были демонизированы большевиками, которые оказались вынуждены широко допустить в местные советы на Юге России казачество в условиях, когда социаль-

ные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой широких масс крестьянства.

Ключевые слова: большевики, женщины, зажиточные крестьяне, коммунисты, крестьяне, казаки, сельские советы.

T. Pankova-Kozochkina

ELECTORAL PREFERENCES PEASANTRY FOR LOCAL AUTHORITIES IN 1920. (ON THE MATERIALS IN SOUTHERN RUSSIA)

Abstract. The article presents the uncertainties in the Russian historiography of the problem reflected in the social group conscience of the Russian peasantry, the local authorities in conditions of relative ideological pluralism and the weakness of the staffing of local councils in 1920. At the regional archival materials of the South Russia revealed the ratio of the peasantry to the potential candidates to local authorities when the preference was given to wealthy owners obviously capable of real management of rural affairs of individuals and persistently ignored social class, party and promotional and gender-proportional approach. Farmers negative attitude to the policy pursued by the authorities to bolshevisation local councils. These categories of the rural population as “former”, “fist” (rich peasant), have not yet been demonized by the Bolsheviks, who were forced wide to allow for local councils in the south of Russia the Cossacks in a context where social outsiders village - the poor and the laborers - not enjoyed the support of the broad masses of peasants.

Keywords. Bolsheviks, womens, rich peasants, communists, peasants and Cossacks, the rural councils.

Большевики шли к власти под лозунгами создания в России подлинной системы народовластия в форме Советов разных уровней, формировавшихся путем свободных выборов и, таким образом, максимально приближенных к населению и в полной мере учитывавших его нужды. Нельзя обвинить большевиков в том, что эти лозунги оказались пустой демагогией: советы как органы власти действительно были созданы и, с формально-юридической точки зрения, являлись базисом политической системы постоктябрьской России. По этому поводу в Конституции РСФСР 1918 г. (Гл. 1, п. 1) прямо указывалось, что «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов», и «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [1, 2]. Территорию всей страны постепенно покрыла густая сеть органов местного самоуправления, так что, по довольно ироничному замечанию исследова-

* © Панкова-Козочкина Т.В.